

ДВА ПРЕКРАСНЫХ дня я провел наедине с этой книгой*

Не сказать, чтобы она обогатила меня откровениями. Все-таки я неплохо знал Евгения Александровича Евстигнеева. Нет, в близкой дружбе не состояли, но пребывали в симпатичных отношениях: называли друг друга просто по имени; но исключительно на "вы". Эдакий вот церемониал.

Чтобы сделать себе приятное, припомню, что я о нем писал, не часто, но искренне. Однако дело не во мне, а вот в таком оттенке. Стоило хотя бы несколькими строками упомянуть в статье его имя, как уже утром в телефонной трубке рокотал смущенный баритон. Этот великий мастер был

лит. гас. - 1994. - 7 экз. - с. 8.

“Спасибо за Великие Уроки”

**Как жаль, что
воспоминания о хорошем
человеке не пишут еще
при его жизни**

благодарным (нечастный случай) артистом. Сказать проще, воспитанным человеком. В нем была натуральная, невычурная воспитанность. Видимо, это шло от Марии Ивановны, его мамы.

Пожалуй, в этом один из лейтмотивов книги: Евгений Александрович Евстигнеев был очень естественный человек. В жизни, а потому — и на сцене. Собственно, это еще не комплимент, злодей тоже может быть естественным в своем злодействе. А Женя был как-то очень нормально, даже обыденно хорошим человеком. Нет, “душой нарпашку” вовсе не был, впрочем, замкнутым не был тоже, просто предпочитал слушать, а не говорить. Здесь воспитательно точна Татьяна Васильева: “Женя всех любил, со всеми дружил, никогда никого не выделял. Вот солнце поднимается с утра, крестьянин встает и радуется — так и Женя приходил в театр. Все: “Евстигнеев, Евстигнеев!” Теперь солнце опустилось”. Как просто и сильно сказала.

Авторы книги единодушно вспоминают, как много им дало общение с Евстигнеевым. И это так. Но у меня есть основания утверждать, что и он им премного обязан.

Талант талант, но после театральных “проселков” оказаться в кругу такой несомненной элиты, как Виталий Виленкин, Александр Свободин, Александр Володин, Олег Ефремов, Галина Волчек, Олег Табаков, Игорь Кваша... Конец 50-х, 60-е годы почему-то трактуют исключительно как некую политическую весну. А во мне она больше осталась как весна отдохновения души.

Поймите, речь идет о поколении, которому самим образовательным цензом воспрещался даже прозрачный Сергей Есенин. И вдруг нам открылись Манделштам, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Платонов... На нас словно хлынула волна человеческой гениальности и литературной свежести. И мы обнажили навстречу наши души.

И вот в такую пору молоденький корифей провинциального театра оказался как бы в эпицентре осмысления этого счастья — в театре-студии “Современник”. И это при еко-то чистоте таланта, при его-то чистоте восприятия

мира. Прекрасная ему выпала среда обитания. Вот ведь за что я благодарен многим авторам этой книги. Спасибо вам за того Женю да, впрочем, и за всю его последующую жизнь.

Безусловно, окружение было великолепное. И тем не менее среди всего-навсего Замечательных артистов образовался Великий артист. Олег Павлович Табаков так и пишет: “Великий артист! Великий русский артист!”

Я так и не смог понять, в чем дело, как Евстигнеев играет? Да что там я, в книге многие великолепные знатоки актерского дела пытаются это осмыслить, расшифровать. К наибольшей “понятливости” приблизился Эльдар Александрович Рязанов: “У любого актера, даже у Смоктуновского, я порой нахожу белые нитки в роли, а у Евстигнеева я никогда не видел их и не понимал, как это у него вылеплено... Евстигнеев был актером за гранью моего понимания”.

Как видите, Эльдар Александрович только сгустил непостижимость. Может, “ключиком” к ней будут слова самого Евгения Александровича, как-то невзначай сказанные: “Мне обычно запоминается не сама роль, а процесс работы над ней”. По моим наблюдениям, здесь-то и кроется вековечная тайна Искусства. И никакой другой, в общем, и нет.

Пожалуй, с особым вниманием я прочитал воспоминания Александра Калягина. И вот почему. Во-первых, что в данном случае существенно, как артиста я почитаю Александра Александровича, пожалуй, не меньше, чем Евгения Александровича. А во-вторых, Калягин вовсе не из тех людей, кто щедр на восторги коллегам.

В книге приведена фотография, на которой изображены А.Калягин и Е.Евстигнеев. Датируется она 1992 годом. На снимке дарственная надпись А.Калягина, обращенная к Е.Евстигнееву: “Учитель! Я счастлив, что я рядом с Вами на сцене играю. Спасибо за Великие Уроки”.

Даже такие выдающиеся артисты, как Калягин, Гафт, Басилашвили, пишут о Евстигнееве с нежной почтительностью.

Впрочем, Евстигнеева обожали не только Гафт и Басилашвили, но и еще несколько миллионов населения. Был даже свидетелем этой любви, причём, я бы сказал, “в особо опасных размерах”.

Как-то мы возвращались по пригородному шоссе из гостей, от нашего общего друга. За рулем — Евгений Александрович лично. Пока добрались до Никитских ворот, нас раз шесть останавливали инспектора ГАИ. Как вы догадываетесь, они передавали друг другу по радию: “К тебе Евстигнеев едет!” Посмотреть же хочется. Евстигнеев же!

Как к этой “популярности на улице” Евгений Александрович относился? Я бы сказал, искренне относился: “Я же живой человек, и мне приятно, потому что я воспринимаю это как некую благодарность за свой труд. К тому же я человек в летах и не боюсь, что слава меня испортит”. Слово улыбнулся и призадумался.

Вот я и говорю, как жалко, что воспоминания о хорошем человеке не пишут еще при его жизни. Как бы порадовался Женя умным, сердечным словам этой книги. Нет, все помалкиваем, копим до поры. А когда пора приходит, то уже поздно. И слова расказываем друг другу.

Эдуард ГРАФОВ

* “Артист. Книга о Евгении Александровиче Евстигнееве”. Москва. РИК “Культура”. 1994.